

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РАМКАХ ЕАЭС

Р. И. Громыко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

По оценкам Международной организации труда и международной организации работодателей международная экономическая интеграция названа одним из пяти важнейших факторов современного экономического развития, так как ведет к унификации глобального корпоративного управления, налоговой и нормативно-правовой среды, условий предпринимательской деятельности. Влияние интеграции на экономическое развитие стран выражается в реализации сравнительных преимуществ, снижении издержек производства, росте конкурентоспособности национальной экономики и ее отраслей.

Вместе с тем исследователи отмечают противоречивость этого процесса. Он может как ускорить динамику развития страны, так и снизить ее конкурентоспособность [1, с. 102]. Современный этап развития интеграции стран постсоветского пространства – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), рассматривается как более зрелый этап в сравнении с зоной свободной торговли, целью которого является формирование общего рынка. Единый внутренний рынок позволяет обеспечить свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы между странами. Целью исследования является оценка эффективности функционирования рынка ЕАЭС.

Основы теории влияния интеграции на экономику стран разработаны Дж. Вайнером, Дж. Мидом, К. Р. Макконнеллом и С. Л. Брю. Дж. Вайнер выделил два основных вида эффектов, возникающих вследствие экономической интеграции: эффект создания торговли и эффект переориентации торговли. Эффект создания торговли заключается в расширении торговли внутри интеграционного объединения. При этом действует эффект масштаба. Снятие торговых барьеров предоставляет возможности для развития большей специализации в соответствии с теорией сравнительных преимуществ, на этот

момент указывают также К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю. Анализируя процесс интеграции в рамках ЕАЭС, они отмечают, что «интеграция создает массовые рынки, столь необходимые для достижения отраслями стран «общего рынка» экономии на масштабах производства. Дж. Вайнер считает необходимым условием роста национальной экономики в рамках интеграционного объединения «мобильность факторов производства», что характерно для общего рынка. Эффект переориентации торговли заключается в переклещивании импорта с высокоэффективного поставщика из страны, не входящей в таможенный союз, на менее эффективного поставщика внутри таможенного союза, товар которого стал дешевле в результате отмены таможенной пошлины [2].

Таким образом, показателем развития интеграционных процессов является внутрирегиональная торговля. Это положение нашло отражение в Договоре о Евразийском экономическом союзе, в котором отражены показатели развития внутренней торговли стран-членов. Создание Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) сопровождалось эффектом создания торговли. Как показывают статистические данные, Беларусь с 2012 г. наращивает объемы взаимной торговли со странами ТС и ЕАЭС. Если в 2012 г. они составляли 48,4 %, то в 2018 – 50,8 % в общем объеме торговли. Казахстан увеличил долю взаимной торговли со странами ЕАЭС с 18 до 20,4 % за этот период времени. Эта закономерность подтверждается и для новых членов Союза. Так, Армения с 2015 г. увеличила объем взаимной торговли с странами ЕАЭС с 26,3 до 28,8 %. Для России этот показатель изменился лишь на +0,3 %. Таким образом, снятие торговых барьеров ведет к эффекту создания торговли, прежде всего, для малых стран. Эффект от увеличения масштабов производства позволяет странам с малой экономикой получить выгоды от снятия барьеров. Для ЕАЭС в целом доля взаимной торговли выросла с 2012 г. к 2015 г. на 0,8 % и остается сегодня на уровне 13,5 % [3]. Это значительно меньше в сравнении с другими интеграционными группировками. Так, в рамках Европейского союза (ЕС) она равна 60 %; в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – 24 % [4]. Росту внутренней торговли в рамках Союза препятствуют: низкий уровень взаимной кооперации, сохранение ряда изъятий и ограничений в торговле, недостаточный уровень инноваций в экономике стран.

Дальнейший рост взаимной торговли сталкивается с сохранением ряда изъятий и ограничений в рамках ТС. На внутренних рынках государства-члены продолжают применять также нетарифные ограничения, завуалированные под санитарные, фитосанитарные, ветеринарные требования в интересах национальной безопасности, а изъятия из национального режима, которые первоначально рассматривались как исключительные меры, стали применяться системно и на постоянной основе. Устранение препятствий, только включенных в «дорожную карту» на 2018–2019 гг., позволит снизить, по оценкам экспертов, трансакционные издержки бизнеса, а совокупный положительный эффект от устранения препятствий составит от 1,5 до 2 % объема взаимной торговли [5]. По предварительным оценкам экспертов, в результате отмены выявленных препятствий будет наблюдаться падение импорта из третьих стран и вырастет импорт из ТС и ЕЭП, что приведет к росту национального производства: в Беларуси – на 3,2 %; в Казахстане – на 0,12 %. Для России рост тоже положительный, но на уровне практически 0 %, что ожидаемо, учитывая масштаб экономик [4, с. 68]. Препятствия, существующие на рынке, направлены, как правило, на защиту национальных сегментов внутренних рынков стран ЕАЭС. Причинами их существования эксперты организации называют: различия в этапах развития и моделях функционирования экономики; слабую дифференциацию структуры и ограниченную номенклатуру взаимной торговли; отсутствие единой системы лабораторной инфраструктуры в ЕАЭС в области применения санитарных, фитосанитарных мер и технического регулирования.

Как отмечает автор И. В. Андропова, сегодняшние экономические выгоды от процесса интеграции часто носят несистемный и временный характер (они связаны с распределением ввозных пошлин, антироссийскими санкциями, увеличением потоков контрабандных грузов) [5, с. 9–10]. В этих условиях возникают разнонаправленные экономические и политические интересы стран и интеграция оценивается с точки зрения краткосрочных выгод. Для преодоления этих тенденций необходимо развитие интеграционных связей в сфере реального сектора производства.

Интеграция в рамках ЕС начиналась с производственной сферы, а затем продолжилась в финансовом секторе и в сфере трудовой миграции. В ЕАЭС интеграция в реальном секторе экономики не является фактором стимулирования интеграционных процессов и не позволяет создавать глобальные цепочки стоимостей в рамках союза. Значение цепочек добавленной стоимости возрастает, так как 80 % мировой добавленной стоимости создается глобальными транснациональными компаниями (ТНК). И создание таких цепочек позволило бы повысить устойчивость интеграционного процесса и ускорить рост взаимной торговли и экономики ЕЭП. Сегодня интегрированность экономик Казахстана и России составляет не более 15 %; Беларуси – значительно меньше. Доля промежуточных товаров в импорте нашей страны из Казахстана составляет 0,1 %. Наиболее значимы для Беларуси кооперационные связи с Россией. Удельный вес российских промежуточных товаров в стоимости промышленной продукции составляет около 13,2 %. Препятствием для развития кооперационных связей и специализации экономик является несовершенство технологической структуры промышленного комплекса стран. Доля высокотехнологичного экспорта в промышленном производстве составляет 2–4 %, что в три раза ниже стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, снижает конкурентоспособность промышленного комплекса ЕАЭС [6]. Политика новой индустриализации развитых стран требует объединения усилий по преодолению технологического отставания и развитию экспорта совместно произведенной продукции на рынки третьих стран.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- эффект создания торговли подтверждается в рамках ЕАЭС для малых экономик;
- формирование единого рынка ЕАЭС сдерживается существующими изъятиями, ограничениями и барьерами;
- низкий уровень кооперативных связей препятствует созданию цепочек добавленной стоимости в ЕЭП и усиливает нестабильность экономики интеграционного союза;
- преодоление технологического отставания стран ЕАЭС требует проведения единой промышленной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влияние интеграции на конкурентоспособность национальной экономики (на примере АПК ЕАЭС) / А. Б. Темирбекова [и др.] // Практика интеграции. – 2015. – № 1 (26). – С. 101–124.
2. О международной интеграции. – Режим доступа: <http://www.seinst.ru/page>. – Дата доступа: 03.04.19.
3. Анализ внутреннего рынка Евразийского экономического союза. – Режим доступа: <http://barrier.eaeunion.org>. – Дата доступа: 20.03.19.
4. Полякова, О. В. Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 апр. 2015 г. / под ред. Л. Н. Красавиной. – М. : Финансовый ун-т, 2016. – 256 с.
5. Андропова, И. В. Потенциал и ограничения новых механизмов коллективного сотрудничества / И. В. Андропова // Вестн. междунар. организаций. – 2016. – № 2 – С. 7–17.
6. Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза : решение Евраз. межправительств. совета (с изм. на 27 нояб. 2018 г.). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420301148>. – Дата доступа: 20.03.19.